

М и х а и л В а с с е р м а н

« Г Р О Б »

Неприятности сыпались на Нюрину голову, как золотой песок. Она перестала понимать на уроке химии. Раньше все было ясно, а в этой четверти она дрожала и замирала, когда Нина Петровна говорила свое традиционное: «Скажите мне на такой вопрос». Было уже не смешно, как когда-то. В животе возились прозрачные мокрицы.

В первую неделю второй четверти Нюра не понимала одну только химию и говорила себе: «Это тема такая. Вот закончат про валентность атомов водорода, и тогда...»

Но случилось не так. Закончили про водород в левой клетке таблицы Менделеева, и доскакал конь нинопетровенской фантазии до самого гелия в правой клетке, а Нюрочку так никто и не назвал Нюрочкой за тихий и ясный ответ.

Когда вызывали к доске, в голове у нее все застилало серым фетром, а сама она смотрела в потолок и ждала, чтобы учительница недоуменно сказала: «Садись. Что-то я тебя...» Тогда можно будет сесть, проглотить слезы и забыться. Если бы Нина Петровна договорила, Нюра бы услышала: «Что-то я тебя перестала понимать», — но у той была привычка недоговаривать, и Нюра так и не узнала, что учительница хотела сказать. Сама Нюра тоже перестала себя понимать, так что у них с Нин-Петровной оставалось много общего — обе не понимали Нюрочку.

То же стало происходить и на уроках физики. Ее гипнотизировали физические фразы. Услышав «угол падения равен углу отражения», она задумывалась и, больше ничего не слыша, повторяла про себя, шевеля губами: «угол падения равен углу отражения» или «каждому действию есть равное противодействие». Еще ей нравился закон Бернулли: сумма статического и динамического давления — величина постоянная.

Были еще условия, говорили про «ламинарный установившийся поток», но условия она ненавидела. Они мешали ей мирно повторять про себя прекрасные пары: «падение-отражение, действие-

противодействие, статическое-динамическое». Понимать их смысл не хотелось, слушать тоже, но повторяла она их с наслаждением.

Дальше хуже. На уроке гражданской обороны отвлеклась так капитально, что не слышала слов отставного майора, лысоватого высокого Громова. Он рассказывал о пунктах наблюдения, о песке и огнетушителях. Впрочем, Нюра не слушала, и вполне возможно, что говорил он о том, как предотвратить запотевание стекол противогаса.

Она случайно стукнула крышкой парты. Звук ей так понравился, что она не удержалась, еще раз подняла и опустила крышку. Та вновь издала великолепный степной стук. Понимая, что мешать проведению урока нельзя, да и неприятности могут быть, Нюра поднимала крышку совсем чуть-чуть и опускала ее плавно, так что иногда никакого звука вовсе не было, а когда получался звук, был он таинственный, тихий и вводил ее в то состояние задумчивости, какое так сладко владело ее локтями, коленями и щеками в последние дни.

Голос парты красовался в полной тишине. Отчего, собственно, так тихо, поинтересовалась Нюра и обнаружила, что не может поднять голову. Скосив глаза вправо, она увидела, что поле зрения закрыто. Обычно ясный вид на проход между партами был сейчас заслонен серым пиджаком. Майор положил руку ей на затылок и наклонял к парте Нюрину голову, пока та не стукнулась о твердую поверхность лбом. При этом он сказал:

— Я тебе постукаю.

То был момент переселения в иной мир. Как только майор убрал руку с ее косичек, она почувствовала, что бедра без усилия подняли ее на ноги, а туфли, еще утром знакомые, вдруг повели себя так, что сами собой вынесли ее из класса. Новое это ощущение не доставило ей ни малейшего удовольствия. В подмышках звенели неприятные возбужденные звоночки, и дыхание странно изменилось. Она только вдыхала, а выдохов не было.

Оказавшись в светлом, широком, на удивление пустом коридоре, она заметила, что ее понесло направо, потом по темноватой, но широкой и тоже безлюдной школьной лестнице вынесло на два пролета ниже, где она оказалась перед дверью с надписью ДИРЕКТОР.

Рука ее сама собой постучала, и при ответе «Да-да» ноги вплыли и остановились перед письменным столом. Комната покачивалась,

директор молча смотрела на нее, водя глазами, как будто покачивался не кабинет, а сама Нюра.

Не зная, что сказать, Нюра услышала голос, незнакомый и скрипучий:

— Гроб, — сказала она, — то есть гражданская оборона.

Директриса прозрачными глазами молча смотрела на то место, где стояла Нюра.

Нюра поняла, что не помнит имени-отчества преподавателя. Фамилия показалась неуместна. Она сказала:

— Преподаватель ударил меня головой о парту.

Директор молчала. Нюре со второй попытки удалось повернуться и отпилотировать дирижабль легкого организма к двери. Дверь была светлая и открылась без усилий.

На следующее утро Нюра не вспомнила о происшедшем. Она была увлечена спасением человечества. Человечество нужно было срочно спасать. Особенно срочно нуждалась в спасении Нюриня собственная мать. В последнее время выяснилось, что они с отцом люди недобрые. Не отличаясь щедростью, они слишком заботились о своем личном благосостоянии вместо того, чтобы делиться с соседями и с бедными людьми на улице своими вещами. У них все было, а у окружающих часто не было пальто.

Во вторник Нюра видела на улице женщину без пальто и хотела отдать ей свое, но пальто у Нюры было маленького размера, как и она сама, а женщина была крупная. Мамино пальто подошло бы ей только в расстегнутом состоянии, что Нюра и предложила, когда внеслась домой, запыхавшись. Когда мать отказалась сделать доброе дело, потрясенная Нюра хотела бежать вниз, сказать женщине, которую она уговорила подождать на лестнице, что мать отказалась. От стыда за мать у нее горели щеки, но та не пустила ее на улицу. Вечером она все рассказала отцу и была потрясена, не найдя сочувствия и у него. Как она этого раньше не замечала?

Было противно жить с этими людьми; она долго думала, куда ей переехать, ничего не придумала и заснула поздно. На следующее утро на уроке географии она задумалась о том, что, может быть, таких, как ее жмоты-родители, много и как бы узнать, кто еще и много ли их. На перемене она обсудила этот вопрос с Людой, и та сказала, что не знает, жадные у нее родители или нет.

Остаток недели прошел в сладостном повторении «угол падения — угол отражения». Кроме того, к коллекции был добавлен термин, выведший ее из грез на уроке ботаники, — «прямостоячий стебель». Слова множились в ее горячем уме и приятно кружились.

В пятницу, идя из школы, на улице Свердлова она обошла грузовик на тротуаре. В кузове крупный человек в телогрейке разгружал уголь, привезенный в подвал жилого дома. Он орудовал тяжелой лопатой, каждым движением бросая целые кучи и горы угля в открытую дыру на тротуаре. Нюре показалось, что это учитель гражданской обороны Громов, и, погруженная в мысли о спасении человечества, она прошла мимо.

В следующий понедельник «гроб» был отменен. Детям сказали, что учитель заболел. Во время свободного урока ребята стали беситься. Они негромко, чтобы никто не зашел, кричали, бросались скомканными бумажками и стреляли через трубочку жеваной промокашкой. В углу два мальчика, как обычно, окружили Беллу и щупали ее за грудь. Белла затравленно озиралась. Нюра подошла к Коле Горбаневу сзади и сильно ударила его по затылку учебником алгебры. Тот сел.

Постепенно беситься перестали. В классе стало тихо.

